

Почему же в таком случае рядом в тетради оказалось слово «Предсказание» — самый сильный аргумент моего оппонента? Прежде всего следует обратить внимание на то, что хотя оно действительно вписано на полях вместе с заметкой «Фарисей», к ней оно не принадлежит, т. к. стоит не в строку с ней, как напечатано в заметке В. В. Ивашова, а в столбик, т. е. как отдельный пункт той памсчавшейся на месяц программы (24, 130—131), к которой оно присоединено. Несколькими страницами ниже (24, 141) после плана «Содержание №» идет фраза, смысл которой раскрыть не удалось, но которая содержит то же слово: «Меня тревожили погода и медведь (предсказание)». Хронологически обе записи близки: первая была сделана после 4 февраля (точная дата не устанавливается из-за положения ее на полях, а не в основном ряду), вторая — до 12 февраля (ср. ссылку на «Голос» далее — 24, 143, 438), поэтому, зная привычку Достоевского повторять в тетради обдумываемые темы по нескольку раз, эти два пункта вполне правомерно соотнести. Возможна и другая интерпретация: имелась в виду оценка будущего развития политических событий в Европе, получившая затем продолжение в февральской же заметке «Мое предсказание» (24, 148, 439) и мартовском выпуске «Дневника писателя».

Оставаясь убежденным в правильности своего решения, должен, однако, заметить, что если квалифицированный читатель не уловил всей заключенной в примечании аргументации, то доля вины ложится на комментатора. Но дать развернутое обоснование в этом, как и во многих других случаях, не позволял жанр комментария.

В. Д. Рак.

В. С. НЕЧАЕВА

ИЗ ВОСПОМИНИЙ ОБ ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ ПЕРВОГО МУЗЕЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

(Общение с потомками писателя. У истоков позднейших книг
и исследований)

Год моего сближения с литературной жизнью Москвы был отмечен крупнейшей юбилейной датой — столетием со дня рождения Ф. М. Достоевского. В 1921 г. в печати появился ряд статей, сборников, сообщений о посвященных ему заседаниях, общих оценок его значения и творчества. Прозвучала вдохновенная речь А. В. Лупачарского «Ф. М. Достоевский как художник и мыслитель», привлекавшая всеобщее внимание и вызвавшая мой восторг. Достоевского я читала еще в последних классах гимназии, а теперь перечитывала с особым вниманием и углублением и в психологию его героев, и в его своеобразный стиль и язык.

В конце 1921 г. я получила приглашение принять участие в кружке молодых литературоведов, организовавшем Павлом Ни-

жичем Сакулиным, вероятно, из его бывших студентов. Один вечер в неделю он собирал в своей столовой (в квартире в Деушевом переулке на Арбате) таких же, как и я, молодых филологов, уже трудившихся над какой-нибудь избранной научной темой. Помню П. А. Маркова, увлекавшегося театральной критикой, В. В. Барапова, изучавшего Пележаева, Д. А. Горбова — поэта, Л. В. Крестову-Голубицкую, собиравшую материалы по литературе конца XVIII в., и др. П. Н. Сакулин поставил перед нами задачу взяться за коллективный труд по изучению истории русской журналистики, что, по его мнению, было недоступно одному-одиночке.

Он с энтузиазмом говорил о значении публицистической деятельности Белинского, Чернышевского, Добролюбова, по-настоящему о необходимости знать их окружение и их «соперников». В результате он предложил заняться изучением русской журналистики с 1847 г. — времени начала издания Некрасовым «Современника», времени борьбы за «натуральную школу», волемики со славянофилами, выхода в свет первых произведений Герцена, Гюшарова, Достоевского и Тургенева.

Встретив наше полное одобрение, П. Н. Сакулин раздал нам анкеты, в ответах на вопросы которой мы должны были на особых карточках характеризовать исследуемое нами издание: альманах, журнал или газету.

На мою долю достались «Современник» и газета «С.-Петербургские ведомости». Если первый журнал, наиболее изученный специалистами и, конечно, самый значительный для этого года, не мог в ту пору полностью быть мною оценок, то изучение газеты имело огромное значение для всей моей литературоведческой будущности. В начале 1922 г. в газетном зале старого Румянцева музея, листая желтые страницы «С.-Петербургских ведомостей» 1847 г. и тщательно изучая их содержание, я обнаружила фельетоны, которые, кроме многоговорящей подписи «Ф. Д.», самым содержательным и стилем так живо воскресили недавно перечитанные повести Достоевского, что не возникало сомнения в том, что передо мной были фельетоны молодого Федора Михайловича, фельетоны, до сих пор никак не обнаруженные. При помощи М. О. Гершензона мне удалось издать осенью того же 1922 г. эти фельетоны отдельной книжкой с моей вступительной статьей.¹ Эта находка и издание вызвали резкое изменение в направлении моих литературоведческих изысканий: в центре стало изучение жизни и творчества молодого Достоевского — автора найденных фельетонов.

К 1921—1922 гг. относится процесс организации двух крупнейших научных учреждений, где предусматривалось специальное изучение общественных наук, в частности истории русской классической литературы. Они расположились на двух концах

¹ См.: *Достоевский Ф. М.* Петербургская летопись: Четыре статьи 1847 г. (Из позданых произведений) / С предисл. В. С. Нечасвой. Петербург; Берлин, 1922.

Пречистенки (теперь ул. Кропоткина). У Гоголевского бульвара, в доме бывшего Московского Учебного округа, поместилась Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАИОН), а в конце Пречистенки, в прекрасном здании начала XIX в., основалась Государственная Академия художественных наук (ГАХН). Уйдя весной 1922 г. из Цетрархива, я в ближайшие годы оказалась связанной с обеими организациями.

В РАИОНе, где Институт языка и литературы возглавлял В. М. Фриче, я выдержала вступительный экзамен и попала в число аспирантов, специализировавшихся по русской литературе XIX в. Я просила быть моим руководителем П. Н. Сакулина, возглавлявшего этот сектор, а темой диссертационной работы избрала «Ранние повести Достоевского».

Здесь не место характеризовать жизнь и деятельность этого первого отряда советских аспирантов, в который я попала, но не могу в связи со своей темой не отметить, какую большую роль в нашем секторе играли В. Ф. Переверзев и его ученики. При всем моем стремлении овладеть марксистским методом в изучении литературных памятников я никак не могла согласиться с пренебрежительным отношением «переверзевцев» к роли писательской личности и биографии в литературоведческих исследованиях. Для меня именно эти факторы были основополагающими, и я целиком разделяла утверждения Луначарского о Достоевском в его юбилейной речи: «Достоевский был художником-лириком. Все его повести и романы — одна огненная река его собственных переживаний. Это — сильное признание сокровенного своей души. Это страстное стремление признаться в своей внутренней правде. Это *первый* и основной момент в его творчестве <...> Достоевский тесно связан со всеми своими героями. Его кровь течет в их жилах. Его сердце бьется во всех создаваемых им образах».²

Мою работу над диссертацией я начала с изучения общественно-политических условий 1820-1830-х гг. и биографических сведений о детстве и юности Достоевского. Последние в основном содержались в отрывках мемуаров Андрея Михайловича Достоевского, приведенных Орестом Миллером и помещенных в изданном в 1883 г. первом томе Собрания сочинений Достоевского. Эти воспоминания младшего брата Федора Михайловича вызвали мое стремление посетить бывшую Мариинскую больницу, где врачом работал его отец и где писатель родился и жил до шестнадцати лет.

Помню пустырь (на его месте сейчас стоит Театр Советской Армии), обнесенный проволокой, прикрепленной к колышкам и обвитой новилкой, за пустырем — густую зелень большого сада, а в этой зелени прекрасный центральный корпус больницы с колоннами и два его боковых флигеля, к которым вели ворота

² Луначарский А. В. Собр. соч. М., 1963, т. 4, с. 190—191.

со львами. Прохожу во вторые ворота к левому корпусу и вхожу в нижний подъезд. Лестница с чугунными ступенями ведет в верхние этажи, я же, ориентируясь по описаниям А. М. Достоевского, свертываю налево в нижнюю квартиру, дверь которой полуоткрыта. Вот она, та самая квартира, где сто лет назад жила семья птаб-лекаря Достоевского, так подробно описанная в мемуарах его младнего сына. Меня впускает ее нынешний хозяин, жена большого повара, и приглашает войти. Сразу поражает полное соответствие прочитанному: передняя с одним окном во двор и досчатой перегородкой (не до потолка), которая отрезает глубину комнаты и образует полутемную каморку, где была спальня Федора и Михаила — старших сыновей врача. Из прихожей дверь ведет в большую светлую комнату с тремя окнами во двор и двумя на улицу — комнату, которая была столовой и залом, где дети учились и играли. Из этой комнаты — дверь в бывшую гостиную и спальню родителей. Но дверь наглухо занерта. Там квартира врача, и я не пытаюсь в нее пройти. Впитываю впечатления увиденной части — изразцы печи с синей полоской, широкие половицы простого деревянного пола, двери и окна — по рисунку явно начала прошлого века, и главное, эта полутемная комнатка за перегородкой, где, по сообщению хозяйки, помещаются ее ребята.

Затем поднимаюсь по чугунным ступеням лестницы во второй этаж. Там у двери ручка старинного звонка, которую надо дергать, чтобы он зазвонил.

Это посещение квартиры вызвало первое смутное представление о возможности будущего музея в этих так хорошо сохранившихся стенах, представление, которое уже не покидало меня и, все более реализуясь в воображении, сопровождало мою интеллектуальную работу над диссертацией.

Надо сказать, что в 1922 г. я включилась в работу и на другом конце Пречистенки, где с 1921 г. развернула работу Государственная Академия художественных наук. Среди многочисленных отделов, секций, подсекций, комиссий и групп, которые стала создавать Академия, возглавлявшаяся президентом П. С. Коганом, была подсекция литературы, внутри ее организовалась Комиссия по изучению Достоевского, что отвечало особому интересу к писателю в этот юбилейный год. Комиссию возглавил Георгий Иванович Чулков, гораздо более известный в то время как поэт, чем как литературовед. Вероятно, П. Н. Сакулин или М. О. Гершензон, в связи с вышедшей моей книгой («Петербургская летопись») и зная мою работу над диссертацией, подсказали мою кандидатуру в ученые секретари комиссии. Я была включена сперва на подставки и с увлечением стала знакомиться как с членами комиссии, так и с ее постоянными участниками и посетителями заседаний. Конечно, на первом месте надо назвать Леонида Петровича Гроссманна, уже в то время бывшего автором ряда работ о Достоевском, блестящего оратора и полемиста. Вспоминаю чрезвычайную пестроту мето-

дологическим установкам, которыми отличались участники работ этой комиссии — как докладчики, так и выступавшие в прениях. Это отразилось и в сборнике «Достоевский», изданном ГАХН в 1928 г. Я читала доклады о переводе Достоевским «Евгении Гранде» Балзака и «Сравнения у Достоевского».

Идеей о создании Музея Достоевского в его квартире я, конечно, поделилась с Г. И. Чулковым, встретив его полное сочувствие и совет поговорить предварительно с главным врачом больницы, носившей теперь имя Достоевского. Я решилась на этот шаг, как бы представляя Комиссию по изучению Достоевского ГАХН, и была приятно поражена вниманием и сочувствием этой идее со стороны больничного начальства.

Напомню, что в Москве в Историческом музее с начала XX в. хранились рукописи, книги, вещи и изображения Ф. М. Достоевского, отданные туда Анной Григорьевной Достоевской. Она составила прекрасное описание переданных коллекций в огромном томе, который был ею назван: «Музей памяти Федора Михайловича Достоевского. 1847—1903» и издан в 1906 г. Но собранные ею сокровища хранились в одной из комнат огромного здания Исторического музея, не были рассчитаны на публичное обозрение и не представляли никакой музейной экспозиции. Хранитель М. А. Петровский выдавал специалистам научно необходимые материалы и справки для их работ, но о более широком ознакомлении с этим собранием речи быть не могло из-за условий хранения и организации помещения. Конечно, нельзя было себе представить, чтобы это собрание, являвшееся собственностью прекрасно организованного государственного музея, могло послужить основой для реализации возникшего у меня замысла. Сама возможность организации музея Достоевского в больнице была весьма проблематичной. Но если бы и удалось получить квартиру Достоевских для музея, то чем заполнить голые стены даже первых двух комнат (речь об освобождении всей площади квартиры вообще не поднималась)?

При всей очевидной трудности этой задачи идея создания музея в бывшей квартире Достоевских пала на защитников в руководстве ГАХН, и было возбуждено соответствующее ходатайство перед Наркомпросом, Московским отделом народного образования (МОНО), которые ведали и музейными делами. У меня и памяти не сохранились этапы, через которые, вероятно, прошло это ходатайство об открытии музея, так как я не участвовала в этой организационной работе и занималась его руководством ГАХН. Правда, не все его члены относились сочувственно к идее открытия музея: так, хорошо помню, что Н. К. Пиксанов называл ее «экзотикой», а мне советовал лучше отправиться в Томск, куда требовался доцент по русской литературе XIX в. Не встретила сочувствия эта идея и у моих со товарищей — аспирантов РАНИОН, а особенно «переворзвцев», которые подсмеивались надо мной, как будущим «хранителем» котелков и других вещей Достоевского. Но В. М. Фриче был иного мнения

и способствовал принятию главным врачом больницы решения освободить часть квартиры для будущего музея. К сожалению, и среди сочувствующих будущему музею я не встретила людей, которые желали бы принять деятельное участие в его подготовке, собирать хотя бы необходимых книг и фотографий, имели бы вкус к музейному делу. Участники Комиссии по изучению Достоевского были исследователями-литературоведами, психологами, философами, очень далекими от практической музейной работы.

Неожиданно я нашла помощь и поддержку в лице человека, который в это время увлеченно занимался Достоевским, но был далек по характеру своих занятий от обеих учреждений, о которых я вспоминала выше. Это был Михаил Васильевич Волоцкой, специалист-антрополог, генистик, собиравший в это время (т. е. в середине 1920-х гг.) материалы для будущей книги «Хроника рода Достоевского», которая вышла в свет лишь в 1933 г. Собирая сведения о Достоевских и их предках с XVI в., он одновременно искал и живых потомков, знакомился с ними и, узнав о моих планах и намерениях, с большим сочувствием пришел мне на помощь.

Во введении к своей книге Волоцкой писал: «В подобного рода генеалогических исследованиях обычно труднее всего бывает найти первого живого представителя рода. Если же первый найден, то у него уже можно получить адреса его родственников и затем постепенно расширять круг своего контакта с представителями изучаемой семьи. Считаю своим непреложным долгом указать, что такой „первый“ представитель рода Достоевских в лице Миллия Федоровича Достоевского, внука старшего брата писателя, был мне указан в начале 1922 г. проф. Н. К. Кольцовым, подавшим мне и самую мысль заняться изучением этого рода. Знакомство мое с М. Ф. Достоевским, первый опрос его и составление первого наброска родословной таблицы состоялся 5 марта 1922 г., и эту дату я считаю началом своей работы».³

«Первым» представителем рода Достоевских и для меня стал Миллий Федорович Достоевский, о котором мне не замедлил рассказать Волоцкой. Он дал мне сведения о том, как его найти, и советовал посетить прикованного к постели потомка писателя. В своей книге Волоцкой сообщил, что Миллий Федорович, сын племянника Федора Михайловича (ученика Антона Рубинштейна и деятеля Саратовского отделения Русского музыкального общества), родился в 1884 г., в 1909 г. окончил Археологический институт, а в 1910 г. специальные курсы Лазаревского института в Москве. Автор ряда работ по истории искусства. В 1922—1923 гг. находился на излечении в клинике нервных болезней I МГУ, позднее явил в Московском общегитити ЦЕКУБУ для престарелых ученых. Вследствие паралича ног может передвигаться лишь в катающемся кресле. Из паходя-

³ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. М., 1933, с. 19—20.

щихся у меня его писем следует, что ранее он лечился в неизвестном мне «санатории в Сокольниках». В конце 1922 г., когда я разыскала его, находился «на призрении в больнице хронических болезней имени Королевско» — так написано в заверенном печатью документе от 14 декабря 1922 г. Однако на печати значится: «Больница хронических больных им. В. С. Воровского МО РСФСР», а сам Миллий Федорович в одном из писем упоминал о «наших врачах Королевского убежища»: не было ли это дореволюционным названием больницы, находившейся где-то за Преображенской заставой?

М. Ф. Достоевский лежал в постели с креслом-каталкой рядом. Это был сорокалетний мужчина с немощным, но живым, подвижным лицом и быстрой, не лишённой остроумия, юмора, речью. В одном из моих писем этого времени я так описала первые впечатления от этой встречи: «Его решительно никто не посещает, у него нет никого близких и никаких средств. С сиделками, парализованными вокруг, в общей палате, прокурорской и грязной, он пытается что-то писать о китайском фарфоре, эмали, но у него нет ни особого стола, ни бумаги, ни денег на бумагу. С туберкулезом легких он год не был на воздухе, потому что спустить его в кресле со второго этажа стоит слишком дорого. У него нет теплых вещей, да и вообще ничего нет. Он ухватился за меня, и сейчас я завалена его просьбами, поручениями и всякими делами, относящимися к нему».

Я не только не могла надеяться получить от него что-либо для предполагаемого музея, но оказалась вынужденной затратить на его дела уйму времени и сил. Самым необходимым был перевод его из этого «убежища» в санаторий для престарелых ученых, находившийся в Москве, в Цесляимовском переулке. Его посетил главный врач санатория Касаткин, который, однако, считал необходимым предварительное его обследование в Университетской клинике. На мою долю выпала задача перевезти безболезненно и лишённого теплых вещей больного с креслом-каталкой и прочим имуществом от Преображенской заставы на Девичье поле — при всей сложности в то время с транспортом, тем более что речь шла о точно условленном дне и часе.

Возможно, что доктор Касаткин посоветовал мне обратиться к паркоматрану Н. А. Семашко — во всяком случае, помню, что Н. А. Семашко знал о состоянии М. Ф. Достоевского и сам направил к нему доктора Касаткина. Узнав адрес паркома, я 16 марта 1923 г. отправилась утром к нему рассказать о необходимости перевезти больного и о своей беспомощности. Н. А. Семашко сейчас же припал меня, выслушал и, немного подумав, предложил дать свою персональную машину на определенное время. Я хорошо запомнила его приветливое обращение, его проводившие меня в переднюю и на лестницу и точное дальнейшее выполнение обещания. Мне оставалось достать шубу, которую одолжил живший в одном доме со мной профессор С. А. Котляревский. Перевоз при моем участии благополучно совершился, Достоев-

ский был принят в Клинику нервных болезней Московского государственного университета, откуда (уже, кажется, без моей помощи) был переведен в «здравницу» Дома ученых ЦЕКУБУ, где оказался поселенным в отдельной комнате, окруженным вниманием, удобствами и медицинской помощью.

М. Ф. Достоевский ничего не мог рассказать мне о своей семье и мало интересовался своим родом и знаменитым двоюродным дедом, хотя имя его, конечно, постоянно помогало ему и доставило благополучие в последние годы жизни. Вероятно, его фамилия сыграла роль ранее и в его личной жизни. Он был женат на дочери богатого купца А. Щукина, крупного коллекционера современной европейской живописи, создавшего целый музей в роскошном особняке. Брак был скоро расторгнут, но Е. А. Щукина, эмигрировавшая после революции, оставила себе фамилию Достоевская и под этим именем выступала за границей с враждебными нашей стране статьями. Помню, что из Союза советских писателей обращались ко мне, чтобы определить, не какой линии Евгения Достоевская приходится родственницей писателю.

Не сохранявший связи со своей семьей (что и объясняло его одиночество в тяжелые годы болезни), не зная своего деда Михаила Михайловича Достоевского, умершего задолго до его рождения, М. Ф. Достоевский все же оказался обладателем одной его рукописи, которую и преподнес мне. Это была черновая тетрадь писателя, куда М. М. Достоевский заносил на рубеже 1840—1850-х гг. записи, относящиеся к задуманным произведениям, отдельные подслушанные им в народе выражения и замечания. Кроме того, там были наброски к незаконченному роману «Денги» и к также незаконченной пьесе «Матчаха». Этот подарок пробудил во мне особый интерес к старшему брату Ф. М. Достоевского, внимание к его судьбе и решенье написать о нем книгу. Рукопись же М. М. Достоевского, сперва переданная мною в музей Достоевского, затем поступила в Отдел рукописей библиотеки им. В. И. Ленина.

На мои попытки узнать от Миллия Федоровича что-нибудь о его деде и Ф. М. Достоевском он мне не один раз советовал обратиться к «тете Кате», живущей в Ленинграде, т. е. Екатерине Михайловне Достоевской-Манассеиной, младшей дочери М. М. Достоевского, родившейся в 1853 г. Этот совет, скоро исполненный мною, имел большое значение не только для моей будущей научной работы, но и особенно для подготовляемого музея. Общение с Миллием Федоровичем после его благополучного поселения в здравнице ЦЕКУБУ стало возможным и реже, ближе к нему же с Екатериной Михайловной росло и крепло в течение десяти лет.

В августе 1923 г. я получила от ЦЕКУБУ путевку в дом отдыха под Петроградом в Детском Селе (бывшем Царском, теперь же г. Пушкин). Это была моя вторая поездка в Ленинград. Была впервые в этом городе я осенью 1921 г., когда хо-

рошо зная его заочно по книгам и влюбленная в него уже несколько лет, я целиком отдалась его изучению и обаянию. Но помню, что эта поездка совпала со смертью А. А. Блока: я смогла сперва поклониться покойному поэту в его квартире, а потом проводить его в последний путь.

Жизнь прекрасной осенью 1923 г. в Детском Селе, первое знакомство и с ним, и с Павловском, постоянная память о Пушкине и Вяземском, которыми я занималась в первые годы научной работы, — все это было незабываемым. Запомнился и один особенный вечер в доме отдыха: сообщалось, что из города должен приехать и выступить с концертом юный пианист и композитор Д. Д. Шостакович, о котором отзывались с удивлением и восхищением. Хотя я по сложившимся обстоятельствам являюсь имела некоторое отношение к современному музыкальному искусству, но имени этого тогда еще не слышала и была поражена и игрой, и видом юноши, почти мальчика, выступившего в зале дома отдыха.

Но, конечно, центральное место во время моего пребывания в тогдашнем Петрограде занимала постоянная память о работе по Достоевскому, установление связей с его родственниками, с Пушкинским Домом, посещение мест, значащих в жизни и творчестве писателя. И прежде всего меня волновали поиски и установление знакомства с «тетей Катей» — Екатериной Михайловной Достоевской.

Ее адрес на Симбирской улице я хорошо знала, но знала также, что она очень неохотно беседует о членах своей семьи и Федоре Михайловиче. Однако ее значение и для моей работы, и для будущего музея было так велико, что я решаюсь привести обширное описание первой с ней встречи — оно сохранилось в моем письме от 6 октября 1923 г. из Петрограда. Письмо это было адресовано М. В. Волоцкому, которому не удалось самому познакомиться с Е. М. Достоевской, но который поручил мне получить от нее ответы на ряд нужных ему для исследования вопросов.

«В первый день по приезде, часов в пять вечера, я отправилась разыскивать ее по известному адресу. Легко нашла старый трехэтажный серый дом (потом я узнала, что в нем бывал у Екатерины Михайловны Федор Михайлович Достоевский), по черной лестнице со двора поднялась на 2-й этаж и у двери встретила Елизавету Николаевну Князеву, воспитанницу Екатерины Михайловны, которая с ней живет. На вопрос об Екатерине Михайловне она ответила, что „мама дома“, пригласила меня войти и сейчас же догадалась, что это я прислала зимой письмо. Екатерина Михайловна тотчас же вышла ко мне. Ее даже нельзя назвать старухой, хотя ей 70 лет. Пожилая девица с очень правильным красивым лицом, седая, в гладком черном платье, с обидным отпечатком чего-то немецкого и старомодного. Она пригласила меня в столовую, уютную и тоже старомодную, всю в стиле 70—80-х годов. Масса портретов на стенах, рояль, ста-

рый фарфор, старые кожаные кресла. Я села за тот же большой обеденный стол, за которым в конце 70-х годов сидел Федор Михайлович. Екатерина Михайловна извинилась, что не ответила на письма, сославшись на то, что плохо видит. Но это не совсем так — после она мне рассказала, что как раз перед моим письмом к ней приходила с такими же вопросами барышня, которая ей очень не понравилась, и ей не захотелось мне отвечать. Да и мудро было бы что-нибудь сообщить в письме. Лишь вот так, сидя часами рядом за столом, можно было добиться того, чего я добилась. Но все по порядку.

В первый мой визит, который продолжался часа два, я записала ряд сведений о Михаиле Михайловиче, которые Екатерина Михайловна очень осторожно и с оговорками мне сообщила. У нее вполне ясный ум, любовное отношение к старине, но справедливые и беспристрастные суждения. Она, по-моему, очень умна и вообще кажется хорошим, незаурядным человеком. Симпатия у нас с ней оказалась взаимная. Через час она повела меня к себе в спальню, начала доставать фотографии, рисунки Михаила Михайловича (он хорошо рисовал и страстно любил музыку). Только на мои вопросы об архивных материалах, есть ли что у нее, загадочно говорила: „Может быть, что-нибудь найдется“. Так как она и ее воспитанница мне жаловались, что сейчас им очень трудно живется — Елизавета Николаевна и ее муж — оба без места, а Екатерине Михайловне нужно делать немедленно глазную операцию, на которую нет денег, то я предложила Екатерине Михайловне довериться мне, показать, что из писем у нее есть, обещая быстро поместить в печать и доставить денег. Она обещала подумать и дать ответ в следующий раз.

Через два дня я вновь была у нее. В этот раз мы окончательно сдружились. Я просидела у нее весь вечер, записывала ответы на Ваши вопросы... и наконец дождалась... Екатерина Михайловна вытаснула заветный пожелтевший конверт и в нем письма Федора Михайловича *ненапечатанные*. Можете представить мой восторг, когда она дала мне письмо Федора Михайловича к отцу 1838 года, где он пишет о том, что оставлен на второй год в Инженерном училище, пишет со слезами, покаюсь. Потом письмо Михаила Михайловича к отцу того же времени, написанное в защиту брата. Сейчас я уже веду переговоры в Пушкинском Доме о помещении их в журнал „Атепей“ и, вероятно, получу за них 4—5 червонцев. Этого Екатерине Михайловне вполне достаточно для операции. (Эти письма у меня здесь в Царском, буду писать к ним вводную статейку и примечания). В перспективе еще ряд писем Федора Михайловича к Эмелии Федоровне после смерти Михаила Михайловича, неизвестные в печати, письма Михаила Михайловича и к нему. Потом толстая редакционная тетрадь журналов „Время“, „Эпоха“ и потом еще обещание посмотреть „какие-то рукописи на дне черного сундука“... Не странно ли, что я, москвичка, случайно попавшая в Петербург, делаю здесь раскопки по Достоевскому,

которым занят почти весь историко-литературный Петербург?».

Далее, в связи с ответом на специальные вопросы Волоцкого к Е. М. Достоевской, я сообщала ему, что она плохо помнит некоторые имена и даты рождения и смерти и запросит о них родственницу в Самаре, которая «специалистка» по этим вопросам.

То, что я могла рассказать Екатерине Михайловне о тяжелой судьбе Милия Федоровича и своем участии в ней, о его сестре, Татьяне, о моих занятиях по изучению литературного наследия ее отца и замысле книги о нем, очевидно, сыграло положительную роль, и у нас постоянно завязывался оживленный разговор. Позднее, после нескольких лет нашего знакомства, она мне говорила, что в наших беседах она забывает, что я не ее современница, так как, рассказывая, она могла без пояснений вспоминать всех тех, с кем была связана ее молодость и о ком никто из окружающих ее теперь людей ничего не знает: Полоцкого, Страхова, Владиславлева, Ю. П. Померанцеву (дочь Каренина, переводчицу в журналах Достоевских) и многих других.

Скажу несколько слов о судьбе Е. М. Достоевской. Судя по воспоминаниям и письмам современников, она была очень хороша собой, отлично училась и была очень живым ребенком. Но после обеспечения детства, со смертью отца (ей было тогда 12 лет) для ее семьи настали материально тяжелые годы. Несомненно, что Ф. М. Достоевский особенно выделял Катю среди семьи умершего брата. Посылая в письмах к его вдове, Эмили Федоровне, поклоны и приветия, он никогда не забывал приписать просьбу «поцеловать Катю», пожелать ей «всяких успехов», сказать ей, что он ее «очень любит». Он был уверен, что она «бесподобно выдержит экзамены», заботился о ее внешнем виде: «Как бы я рад был, еслибы маманна сделала ей костюм несколько получше, чем прошлого и третьего года в Павловске» (П., II, 22). Судя по воспоминаниям Анны Григорьевны, эта «прехорошенькая» девочка лет пятнадцати с прекрасными черными глазами и двумя длинными белокурыми косами за спиной⁴ часто бывала у них по утрам. Когда же после закрытия журналов и отъезда за границу в связи с оставшимися за ним долгами Ф. М. Достоевский не мог так, как бы хотел, поддерживать семью Михаила Михайловича, он, зная несправедливые жалобы Эмили Федоровны на него как на виновника их разорения, писал в марте 1869 г. С. А. Ивановой: «Вообще вся эта семья, так мне близкая, меня приводит в отчаяние. Эмилия Федоровна жалуется на свою бедность, дочь ее Катя растет в большой тоске». В октябре того же года Достоевский снова пишет Майкову: «Сердце мое изпыло; слишком уж долго ничего не помогало! А ей и Кате до того худо теперь, что хуже уже и быть не может» (см.: П., II, 178, 224).

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 114.

Екатерина Михайловна, так же как Анна Григорьевна, после гимназии окончила курсы стенографии, рано начала работать, стала гражданской женой известного ученого и общественного деятеля В. А. Манассина — профессора Военно-медицинской академии в Петербурге и редактора журнала «Врач». Она прожила с ним свыше 20 лет, вплоть до его смерти в 1901 г., помогала в его сложной работе и была окружена уважением его друзей.

В 1922 г. вышли в русском переводе «Воспоминания» Любови Федоровны Достоевской об отце, в которых она сообщала о якобы слышанных от Анны Григорьевны рассказах о том, что Федор Михайлович трагически переживал «позор» своей племянницы, так как В. А. Манассин из-за отказа его первой женой в разводе не мог «законно» оформить брак с Екатериной Михайловной, и якобы «запретил» всякие сношения с «проникнувшейся». Но уже А. С. Долинин, комментируя письма Федора Михайловича к брату Николаю Михайловичу от 6 декабря 1879 г., обнаружил недостоверность этих сообщений Любови Федоровны, так и всех ее «воспоминаний» в целом. Федор Михайлович писал, что месяц назад «был у Екатерины Михайловны» и расспрашивал о брате (см.: П., IV, 401).

Вероятно, я знала, когда встречалась с Е. М. Достоевской, о клеветнических утверждениях дочери писателя, но сомневалась, чтобы сама она была осведомлена о них: она, конечно, не следила за литературой по Достоевскому, и никто из специалистов ее не посещал. Во всяком случае, сама она ни разу, никогда не касалась не только этого личного вопроса, но и общеизвестной неприязни в отношениях ее матери к Федору Михайловичу. У Екатерины Михайловны вообще были опасения, как бы в печати не появились неверные сведения о близких ей людях, и она жаловалась на некоторые случаи. К счастью, я избегала этих опасений с ее стороны и, когда вскоре после знакомства с нею и ее архивными материалами призвалась, что собираюсь написать книгу об ее отце, то она не выразила опасений. Вместе с тем она была очень осторожно настроена по отношению к книге М. В. Волоцкого «Хропика рода Достоевского», о которой я ей рассказывала и просила у нее ответов на порученные мне специальные вопросы.

11 марта 1924 г. она мне писала: «Я хорошо знаю, что Вы ничего не палецатасте такого, с чем я могла бы не согласиться, и вполне полагаюсь на Вас. Другое дело Волоцкой... Евгенический отдел составил родословную Достоевских, где о моем отце написано, что он был алкоголиком. Откуда они получили это известие? Мой отец никогда алкоголиком не был и, сколько помню сама и знаю по рассказам родных, был всего только в исключительных случаях (званые обеды, именины и т. д.) и в очень ограниченном количестве. Интересно было бы знать, кто им сообщил такую ложь. Меня это очень огорчило. Неужели не могли справиться у людей, близких покойному? Ведь я еще,

слава богу, жива и могла бы ответить на этот вопрос, если бы он был мне задан. В письме ко мне Волоцкой спрашивал только о потомстве моей сестры и еще о ком-то, только не об отце. Андрея Андреевича тоже пожаловали в алкоголики и тоже, конечно, без всякого основания. А. А. хотел написать Волоцкому и опровергнуть допущенную неправду, как от своего, так и от моего имени».

Е. М. Достоевская после смерти мужа жила со своей воспитанницей, круглой спротой, дочерью врача и воспитала ее, как родную дочь. Лизочка платила ей горячей любовью, и они с мужем заботились о слепнущей старухе, живя вместе в ее уютной квартире прошлого века. В Москве я была рада помочь Екатерине Михайловне и ее хлопотах о пенсии, что облегчило их быт, усложнившийся рождением ребенка, которого Екатерина Михайловна обожала, как внука.

Е. М. Достоевской не было свойственно много и подробно рассказывать мне в ответ на мои вопросы о Федоре и Михаиле Михайловичах. Но из отдельных ее замечаний, мимоходом всплывавших воспоминаний у меня составилось несколько страниц ее рассказов мемуарного характера, которые я, объединяя в одно целое сказанное в разные встречи 1923—1929 гг., приведу здесь.

Вспоминая мать, Екатерина Михайловна говорила, что она была очень хороша собой, с большими голубыми глазами. Эмилия Федоровна, рожденная Дитмар, выросла в Ревеле и сперва совсем не говорила по-русски, потом выучилась, но до конца говорила не совсем правильно. Ее браку с М. М. Достоевским противилась ее семья, в особенности отчим, из-за различия религии и национальности. Она имела 8 детей, из которых четверо умерли в раннем детстве.

В конце 1840-х гг. М. М. Достоевский был преподавателем русской словесности в училище Св. Елены. Спустя же несколько лет он организовал табачную фабрику и торговлю. И то, и другое первоначально было очень скромных размеров, и в работе участвовали и сами предприниматели. Екатерина Михайловна вспоминала, как мать укладывала в коробки с папиросами «стерпвы», которыми отличалась продукция М. М. Достоевского. В конце 50-х—начале 60-х гг. семья жила в полном достатке. У детей была гувернантка, держали собственных лошадей, устраивались еженедельные литературные и музыкальные вечера, на которых собиралось до сорока человек гостей.

Рассказнице было одиннадцать лет, когда умер отец. Она помнила его всегда очень занятым, сидящим над корректурами. В это время у него было особенно заметно нервное подергивание рта, которое, как рассказывала мать, началось перед арестом по делу петрашевцев в 1849 г. — появившись в то время припадком после исчезли, оставив этот дефект.

Несмотря на черноту, Михаил Михайлович был ровным и сдержанным в обращении. Дочь не помнила, чтобы он когда-ни-

будь вспыхнул, сердился, кричал. Днем бывали иногда собрания редакции журнала, и тогда было очень оживленно и шумно. М. М. Достоевский страстно любил музыку, но сам не играл: сперва заставлял играть жену (игравшую плохо), а потом старшую дочь — Марию, которая под его настойчивым воздействием усиденно занималась и стала хорошей пианисткой. Пианистом был и старший сын, в дальнейшем директор Саратовского отделения Русского музыкального общества. Будучи поэтом и любителем музыки, Михаил Михайлович также неплохо рисовал, и в семье хранились его работы — по большей части копии. Он был чрезвычайно близорук, так что часто не узнавал на улице своих детей. О его одаренности говорит и тот факт, что, будучи уже взрослым, переехав из Ревеля в Петербург, он самостоятельно овладел английским языком и мог свободно на нем читать.

По словам Екатерины Михайловны, с Федором Михайловичем Михаилом Михайловича связывала исключительная дружба. Когда Ф. М. Достоевский приехал в конце 1860 г. из Твери в Петербург, семья М. М. Достоевского жила в доме на углу Мещанской улицы и Екатерининского канала. Их квартира была на третьем этаже, а на первом помещался склад товара фабрики. Ф. М. и М. Д. Достоевские, приехав, поселились во втором этаже, куда дети Михаила Михайловича часто заходили по дороге. Екатерина Михайловна вспоминала, что Мария Дмитриевна была большой, раздражительной женщиной, но сам Федор Михайлович очень любил и баловал детей, давал им мелочь на гостинцы и часто бывал у них в семье. Она помнила, как в одно рождество, когда елка была уже зажжена, а дети собрались вокруг нее, вдруг раздался громкий звонок и в зал торжественно вошел Федор Михайлович, ведя за руки две большие куклы для двух младших племянниц — Кати и Вари, с которыми был особенно ласков и нежен.

Федора Михайловича Екатерина Михайловна характеризовала в отличие от отца как человека легко раздражавшегося и доходившего до бешенства. Бывал он в ее семье и после смерти брата, жемчужинясь на Анне Григорьевне. Она вспоминала, что однажды Эмилия Федоровна сказала ему, что у нее хранится письмо Федора Михайловича брату с описанием чтения приговора и переживаний на Семеновском плацу в 1849 г. Федор Михайлович начал его читать, страшно волнуясь, как бы еще раз переживая вновь все написанное. Потом он стал очень просить отдать ему это письмо и увез его с собой.

Е. М. Достоевская передала в музей (за ничтожную сумму, которую мы могли тогда ей предложить из нашего более чем скромного бюджета конца 1920-х гг.) ценнейшие рукописи и портреты членов семьи. Здесь были деловые тетради редакции журнала, автографы сочинений Михаила Михайловича, письма к нему брата и других лиц. К сожалению, не имея тогда опыта музейной работы и помня о нашей бедности, я не решалась заговорить о каких-либо семейных мемориальных предметах, которые, конечно,

тоже у нее были. Так, я помню, что она рассказывала о вышитом шерстяным крестом покрывале на рояль, работе, в которой принимали участие любящие желающие из носителей их «журфиксов» (особенно часто этим занимался Полонский). Да, во многом и в то время не была достаточно подготовленной, мало смогла узнать о редакционной работе братьев, о позднейших отношениях с Федором Михайловичем. Помню лишь замечание Екатерины Михайловны о том, что в 1870-х гг. она совсем разошлась с Анной Григорьевной. Когда в 1879 г. умерла Эмилия Федоровна, она ничего не сообщила Федору Михайловичу, так как его не было в Петербурге, но когда, вернувшись, он узнал об этом событии, то приехал к Екатерине Михайловне и долго сидел и беседовал с нею.

Очевидно, я собиралась побывать в Павловске, где умер и был похоронен Михаил Михайлович. У меня сохранилась запись-объяснение о том, как найти его могилу: «Идти по тропинке до аллеи параллельно храму, направо сейчас же могила вторая, рядом Кашин. Чугунный крест». Сама же Екатерина Михайловна Достоевская умерла 30 августа 1932 г. и была похоронена в Ленинграде.

Я не была в Ленинграде в 1930—1932 гг., и о смерти Екатерины Михайловны меня известил В. А. Люба. Приведу характеризующие ее строки: «Это был человек, который, несмотря на свои 79 лет, был молод душой необыкновенно... Как тяжела нам эта потеря человека, ясный и светлый ум которого был не только нашей поддержкой, но который был и олицетворением общественной совести — В. А. Манассеина. Отсюда попятна та необыкновенная чистота, которая сложилась из природных начал и влияния такого сильного духом человека, как Вячеслав Александрович» (письмо от 21 сентября 1932 г.). О похоронах Екатерины Михайловны мне тогда написал и Андрей Андреевич Достоевский: «Вы уже теперь знаете, что Екатерина Михайловна скончалась. Мы ее похоронили на Богословском кладбище, на Выборгской стороне, в местности, называемой Пискаревка, или в ее районе» (письмо от 6 сентября 1932 г.).

Перехожу к рассказу о моем знакомстве с третьим представителем семьи Достоевских, сыгравшим немалую роль в первом устройстве музея Достоевского. Это — Андрей Андреевич Достоевский, сын младшего брата писателя. С А. М. Достоевским у Федора Михайловича было мало общего и не установилось дружеской близости. А. А. Достоевский родился в 1863 г., детство и юность провел на юге России и в Ярославле, где служил его отец, и мог знать Ф. М. Достоевского лишь по коротким посещениям Петербурга. Но сложилось так, что он стал наследником рукописей своего отца, который был подлинным летописцем семейства Достоевских.

Специальность статистика, служба чиновником в Министерстве внутренних дел, одинокая жизнь (он не был женат) — все это наложило своеобразный отпечаток на шестидесятилетнего

старика, каким я его впервые увидела в маленькой квартирке на Пустовой улице. Образ А. А. Достоевского у меня как-то невольно ассоциировался с представителем о типичных петербургских чиновниках царского времени, вероятно, по литературе, так как в жизни я их не могла знать. Бритый подбородок и усы, возможно старомодная, очень любезная, но всегда какая-то официально вежливая и осторожная речь, не отражающая ни положительных, ни отрицательных эмоций. Он явно старался определить, что я собою представляю, мои симпатии и интересы, не позволяя себе быть сколько-нибудь откровенным. Несомненно, что мое увлечение Достоевским, знание его биографии и литературы о нем его располагали, так как он сам был в это время полностью занят подготовкой к печати мемуаров своего отца. Но вместе с тем он точно ревновал меня к этим частично уже опубликованным Орестом Миллером материалам и боялся, что я могу использовать что-то сообщенное им ранее его публикации. Так как он все же не мог удержаться, чтобы не поделиться со мной несколькими семейными документами, он потребовал, чтобы у меня не было в руках карандаша и бумаги и я лишь на слух воспринимала бы переписку юного Достоевского с отцом, которую Андрей Андреевич после опубликовал в своей книге.

Но, очевидно, мое горячее сочувствие к его работе, с одной стороны, и сведения о моих небольших литературных связях в Москве возбудили в нем надежду на помощь в публикации готовящейся книги. Первое из сохранившихся у меня писем его («С. П. Б. 9 декабря 1924. Почтамтская ул., 5») начиналось так: «Большое Вам спасибо за хлопоты и за обстоятельное сообщение справок по поводу моих мечтаний об издании Записок моего отца». Так как у А. А. Достоевского появились какие-то возможности устроить издание в Ленинграде, он просил меня на всякий случай продолжать московские переговоры. Между прочим он писал: «Если встретите И. И. Глизенку и у Вас зайдет разговор о моих планах, напомните ему, что мы с ним когда-то (до революции, до войны) были сослуживцами по Министерству просвещения и что я ему кланяюсь». Я слишком мало знала И. И. Глизенку и об издании с ним не говорила, но через М. О. Гершензона очень заинтересовала работой Андрея Андреевича М. В. Сабашникова и его издательство.

В первом письме А. А. Достоевского нет ни слова о будущем музее. Вопрос о его организации и устройстве проходил ряд инстанций и, хотя вызывал общее сочувствие, вероятно, встречал и противодействие, и разные формальные трудности. В 1925—1926 гг. он не получил еще положительного решения, и в одном из моих писем М. В. Волоцкому, помеченном 15 июня и, вероятно, относящемся к 1926 г., я писала: «Может быть, придется посмотреть на мой злополучный Музей, который все еще находится в прищемленном положении. Думаю, что придется всю эту затею ликвидировать...». Но в письме от 23 сентября (думаю, что того же 1926 г.) ему я писала прямо противоположное: «Му-

зей мой близится к осуществлению, и так все ему благоприятствует, что мне как-то страшно: верно, перед самым концом сорвется. Главное — получила квартиру, где жили Достоевские в 1823—1837 гг.». А к лету следующего года я уже уверяю собеседника: «Июль надо будет много работать. Между прочим, по музею Достоевского. Дело решенное, музей будет, и я буду заведующей... В годовщину рождения Ф. М. Музей откроем». Письмо это относится к 30 июля 1927 г.

Но в этот год, ко дню рождения Достоевского (30 октября/14 ноября) музей еще не был готов, и в этот день я лишь организовала (не в его помещении, а в правом корпусе, где Достоевский родился) небольшое заседание памяти писателя с докладом о работе и подготовке музея.

В полученном мною затем письме от 2 января 1928 г. Андрей Андреевич отзывался на посланную ему книжку «Ползунков» Достоевского с рисунками Федотова и моей статьей «Достоевский и Федотов».⁵

Если А. А. Достоевский следил за моей работой, чем мог помогать и почти накануне открытия 9 августа 1928 г. даже писал такно чересчур лестные, но вдохновлявшие меня строки: «Вы можете по праву сказать, что Музей Федора Михайловича в Марининской больнице — это Вы!», — то со своей стороны я также старалась помочь ему: посылала московские фото для иллюстраций его книги и хлопотала у Сабанинкова о ее издании. Но последний хотел видеть рукопись, а Андрей Андреевич боялся выпустить ее из рук. В конце концов он устроил ее издание в «Издательстве писателей в Ленинграде», где она и вышла в начале 1930 г. 7 апреля он выслал мне экземпляр еще до поступления книги в продажу.

Я очень жалею, что не ознакомилась основательно с архивом А. А. Достоевского, который передал в Пушкинский Дом. Надеюсь, что это сделают будущие исследователи.

Благодаря мне в письме за «лестный отзыв» о книге, Андрей Андреевич ждал от меня печатной рецензии и сведений о наличии таких. 27 мая он сообщил мне, что, по сведениям издательства, в продаже «книга идет ходом». На моем экземпляре он сделал дорогую мне надпись: «Искренне уважаемой Веры Степановны Печавой, основательнице Музея Федора Михайловича в Москве, от душевно преданного А. Достоевского. 1930 Апреля 7».

Насколько я помню, последний раз я посетила Андрея Андреевича летом 1932 г. и познакомилась с живущим у него единственным внуком писателя, Андреем Федоровичем Достоевским, юным студентом, инженером по специальности. Думаю, что несколько лет совместной жизни с Андреем Андреевичем содействовали его увлеченности своим гениальным дедом, интересу к его жизни и творчеству.

⁵ См.: Печавова В. С. Достоевский и Федотов. — В кн.: Достоевский Ф. М. Ползунков. М.; Л., 1928, с. 7—32.

Вскоре после начала моего знакомства и общения с ленинградскими родственниками Достоевского состоялась моя встреча с его подмосковными потомками. Постоянно размышляя в связи с устройством будущего музея о детских годах писателя, я не могла не обращаться мыслями к жизни его семьи в летние месяцы 1831—1836 гг. в с. Даровом Каширского уезда. Оно было местом первого общения будущего писателя с родной природой: деревней, крестьянством.

М. В. Волоцкой знал, что там проживают племянницы писателя, дочери его любимой сестры Веры Михайловны Ивальной, да и Еватерина Михайловна и Андрей Андреевич Достоевские, хотя и не близко их знали, но говорили мне о них. 4 ноября 1924 г. в «Известиях ЦИК» появилась небольшая статья А. Дроздова «Усадьба Достоевского (Даровое)». Хотя она имела несколько явных исторических ошибок и неточностей, но была написана с искренним чувством любви и уважения к этому скромному памятнику прошлого. Думаю, что этот очерк помог оформиться моему решению во что бы то ни стало побывать в Даровом, познакомиться с его владельцами и, конечно, может быть, раздобыть что-то для музея. То же желание выразил М. В. Волоцкой, которого особенно интересовал вопрос о смерти отца писателя, возможность побеседовать с племянницами Достоевского и с потомками крестьян — современников убийства.

8 июля 1925 г. мы пустились в это путешествие поездом в Зарайск, надеясь отсюда найти извозчика или случайного попутчика для десятиверстного переезда до деревеньки Достоевских. Во время этого переезда запомнились поля, овраги, небольшие перелески и кустарник, отсутствие крупных сел, пустынная дорога — обычная для тех лет и мест мало живописная картина, но такая родная, русская... Подъехали к маленькой деревушке из 20 изб с потемневшими соломенными крышами и с выкрашенным в яркую синюю краску и обрубленным зеленою лици и тополей «казнодским» домом — миниатюрной одноэтажной деревянной постройкой с низкими окнами и терраской. Мы застали дома хозяйку, старшую из дочерей Веры Михайловны — Марию Александровну (родившуюся в 1848 г.). Это однодневное посещение Дарового, длинные беседы с Марией Александровной, которые я старательно записывала, встречи со старыми крестьянами — все это оказалось настолько значительным, что я долго была под сильным впечатлением от поездки. Вернувшись, я постаралась запечатлеть пережитое в статье «Поездка в Даровое».

Хотя время было прямо-таки переполнено встречами и беседами, все же я была глубоко затрогута, верно, — как-то целиком схвачена тем скромным пейзажем, который я могла, хотя и бегло, созерцать, не уходя далеко от усадьбы и деревни: овраги, остатки рощи, озера, дали полей и перелесков, так хорошо знакомые по творчеству Достоевского — дневнику Вареньки Добрословой из «Бедных людей», воспоминания Ивана Петровича в «Униженных и оскорбленных», по «Мужичку Марсю».

В статье «Поездка в Даровое»⁶ я не решилась писать о своих впечатлениях от Марии Александровны, ее личности и окружающей ее обстановки. Поэтому отведу здесь хотя бы страничку этой представительнице рода Достоевских.

М. А. Иванова давала уроки музыки, в ее крохотном домике в Даровом много места занимал старинный прямострунный рояль, и она по моей просьбе сыграла мне что-то из пьес Мендельсона. Ей было лет под восемьдесят, она охотно и живо беседовала, читала на память стихи и смеялась вперемежку с жалобами на тяжелые условия, в которых ей приходилось существовать. О гениальном дяде она говорила без особого шота и даже мимоходом бросила шутилку фразу: «Достоевского студенты выдумали». С каким-то старческим озорством она, сидя за роялем, вдруг начала наигрывать царский гимн («Боже царя храни») и, смеясь, спросила нас, как нам нравится «этот мотивчик?». Это была вовсе не провокация, а именно какая-то озорная шутка. У нее были плохие отношения с крестьянами, на которых она жаловалась, так же как и на «начальство», т. е. Зарайский музей, в ведении которого находился ее дом как историческая реликвия. Дом был действительно в плохом состоянии: погнулся, покривились стены, облупилась краска, покособились потолки, половицы скрипели. Если летом сюда приезжали ее младшие сестры, то на зиму сама Мария Александровна уезжала в соседнюю Черемошню, к сестре, которая там учительствовала: отопить Даровской домик зимой ей было не по средствам с ее пенсией, а потому так топились только кухня, где жил сторож.

Облик Марии Александровны, таким, как я запомнила ее, побывав в Даровом и не решившись в своей статье описать его хозяйку, хорошо зарисован за год до этого в очерке Дроздова: «Вас встречает Мария Александровна. Она больна погами, ходит с палочкой, на седых волосах ее наколка, и от складок старомодного платья ее пахнет уходящим временем, уходящими людьми, уходящим бытом. Вся жизнь ее — здесь, среди этих чистенько прибранных комнаток, среди фруктового сада и раскидистых лип. Охрипшая болонка трется у подола ее широчайшей юбки. Сложив на столе желтые, со вспухшими венами, руки, она говорит о том, что домик приходит в ветхость, что никто не помнит Достоевского, что в Черемошне нет даже школы имени его. Она права — о школе в Черемошне давно уже бесплодно хлопочет сестра ее, подновить домик не хватает средств у зарайского музея, в велепии которого усадьба Достоевских находится с 1923 года».⁷

Всённые на степах пожелтевшие и выцветшие фотографии, главным образом родственников, не вызвали особого моего «музейного» интереса — все они уже были у меня пересняты и находились в хорошем состоянии. Но вот на три вещи я не могла

сновойпо смотреть, чтобы не представлять их в будущем музее как некие драгоценности. Две из них, вероятно, в 1837 г. были вывезены из квартиры в Марфинской больнице, так как явно относятся к первой четверти XIX в., что подтверждала и сама М. А. Иванова. Во-первых, — книжный шкафчик с несколькими полками и стеклянной дверцей, красного дерева, по почти черной от времени: может быть, он стоял в детской братьев Достоевских с их любимыми книгами. Во-вторых, — овальный стол из гостинной, фанера красного дерева, на котором частично ободрапа, но по форме, стилю его также легко было отнести к началу прошлого столетия: может быть, именно за этим столом звучало в гостинной по вечерам чтение родителей и старших братьев.

Третью вещь отнеслась к другой эпохе, но о ней точно могла рассказать Мария Александровна. Это был диван, который купил себе Федор Михайлович, когда в 1866 г. поселился на даче по соседству с Ивановым. На нем он спал, писал «Преступление и наказание» и, конечно, возвращаясь в сентябре в Петербург, оставил его в семье сестры, которая и перевезла его впоследствии в Даровое. Диван деревянный, с мягкой обивкой табачного цвета, вероятно, подаркой и вряд ли удобный для сна.

Мои рассказы о будущем музее, о жемательности приобрести три описанные вещи как ценные экспонаты убедили Марию Александровну, и она согласилась на их отдачу, которую надо было в ближайшем будущем официально оформить, снесась с МОНО и Зарайским музеем. Это было сделано в следующем, 1927 году, когда я вторично побывала в Даровом. Со мною ехал сотрудник Музейного отдела МОНО, молодой энергичный человек (если не ошибаюсь, Б. М. Клаушанцев). На нем лежали вся организация передачи вещей и их вывоз, спонсирование с Зарайским местным советом и заботы о транспорте. Я даже не помню, было ли за эти вещи что-нибудь уплачено и сколько Марии Александровне, которая, конечно, была в этом заинтересована.

Освободившись от этих забот, я предлагала использовать время для лучшего знакомства с Даровым, Черемошной и окружающей местностью. Присяде всего я направилась в соседнее Мовогоарово, бывшее имение Хотянцевых, в котором хорошо сохранилась церковь конца XVIII в. Ее посещали Достоевские и их крестьяне, около нее был похоронен М. А. Достоевский. Церковь стояла открытая, пустая и явно никем не охранялась. Я обратила внимание на старинные бумаги, разбросанные при входе, пошла по их следам и увидела в полутемной сырой комнате церковный архив, из которого без разбора вырывали бумагу. Как архивист, я «прилипла» к этим полкам и здесь провела весь день, забыв обо всем остальном. Я очень скоро поняла огромное значение, которое могут иметь хранившиеся здесь «клировые ведомости», книги «брачных обысков» и другие документы. В них была отражена не только история окружающих владельцев-помещиков и их крестьян, но и запечатлено пребывание семьи Достоевских, находился полный перечень их дворовых и крестьян.

⁶ См.: Печеева В. Из литературы о Достоевском (Поездка в Даровое). — Новый мир, 1926, № 3, с. 128—144.

⁷ См.: Дроздов А. Усадьба Достоевского. — Изв. ЦИИ, 1924, 4 ноября.

Среди документов от конца XVIII в. и до середины XIX в. я быстро нашла важные для меня 1830-е годы, где значилась фамилия Достоевских и имелись сведения о Даровом и Черемонине. Находка и обрадовала, и испугала меня: я понимала, что если тотчас же не принять каких-то мер, здесь все может завтра же бесследно исчезнуть. Я направилась в сельсовет — (не помню, Моногаровский или Даровской), горячо изложила историческую важность расхищаемого архива и доказывала необходимость хотя бы часть его немедленно взять в московский музей, а остальное вывезти в Зарайск или Каширский архивный центр.

Мне предложили отобрать интересные музейные документы, отправить их вместе с вещами из Дарового и снабдили хорошим мешком, в который можно было уложить десяток толстых томов церковных ведомостей за интересные меня годы. С этим разрешением и мешком я вернулась в церковь и, так как внутри работать было темно и сыро, таскала поочередно тома на залитую солнцем паперть, где старалась возможно быстрее ознакомиться с содержанием документов. Я отбирала те, которые свидетельствовали о владельцах-помещиках, окружавших Достоевских в 1830-х гг., и особенно те, которые содержали полные списки принадлежавших им крестьян. Упоминались и члены семьи Достоевских, встречались их подписи в книге «брачных обысков» с разрешением на брак своих крепостных. Мелькали имена дворовых и крестьян, которые вошли в биографию писателя и даже, как я убедилась позднее, изучая взятый материал, нашли отражение в его творчестве.

Специально пересматривая на паперти одну за другой толстые, синие и лист тетради синеватого или бурого цвета, исписанные выцветшими рыжими чернилами, с титулами, длинными названиями, я должна была быстро решать, что именно брать с собой, так как объем мешка был ограничен. Вот, например, полное название одной из книг, подобные которому были и на других, в зависимости от их назначения: «Ведомость Тульской епархии Каширского уезда села Моногарова церкви Сошествия святого духа священника Григория Алексева и диакона с причетниками, обретающимся при оной церкви и приходе нижеслуженных чинцов людям, с изъявлением против каждого имени о бытии их в святую четырехдесятницу у исповеди и святых таин причастия и кто же исповедался только, на не причастился и кто же не исповедался 1835-го года». Ведомости разделены на графы, показывающие число домов или дворов, число мужчин и женщин, их возраст и «показание действия» и «за каким винословием». Особые ведомости были посвящены регистрации смертей и их причин, вступлению в брак с разрешающими подписями помещиков. Мне встретились подписи матери Федора Михайловича и его старшего брата Михаила.

Не помню, как и кто отправил набитый мною мешок, благополучно поступивший в музей Достоевского, но я в Зарайске не попала на московский поезд и по приглашению заведующего ме-

стным музеем И. Перлова провела вечер и почевала в его семье. Было очень грустно прощаться с Марией Александровной, которая плохо себя чувствовала, жаловалась на трудности своей жизни и доброе отношение к ней крестьян. Она настойчиво просила меня и Клушанцева выхлопотать средства на ремонт, дрова и помощь в других нуждах. Мы обещали и, конечно, что можно было, сделали в Москве, но все это шло медленно, а старуха и ее сестра следили свои жалобы, в которых я была бессильна им помочь. В их сохранившихся у меня письмах отражен конфликт с колхозными крестьянами, которые хотели организовать в части дома Ивановых избу-читальню и требовали эту часть освободить, так же как и надворные постройки. Большой же старухе было тяжело не только расстаться с привычным жильем, но и лежать в непосредственном соседстве в крохотном домишке с приходящими и уходящими чужими людьми. Какой-то охранной грамоты мы добились, но все это было очень хлопотно, грустно и тяжело.

Летом 1929 г. М. А. Иванова скончалась, и усадьба Достоевских поступила в ведение колхоза им. Достоевского, организованного в Даровом. В доме была открыта библиотека-читальня, при которой развернута силами московского музея маленькая музейная экспозиция (фото портретов писателя, краткие сведения о его жизни и творческом пути, его сочинения). Связи музея с колхозом им. Достоевского поддерживались главным образом членом колхоза Александром Ильичем Макаровым, который в одно из посещений музея передал сделанную в 1910 г. копию с плана с. Дарового и его окружения, снабженного обильными пояснениями и надписями того времени — 1850 г. Ольга Александровна Иванова собрала семейную переписку Ивановых и набитую ими «наволочку» привезла в Москву, где переписка эта поступила к М. В. Волоцкому как материал для его книги, и лишь несколько выписок оказались интересными и для меня.